ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ
Гос. б-ка СССР им. Ленина
Фонд 40
Будиловичи
Добрянский
Картон № 25
Ед. хран. № 33

Россиев,
Павел [Аполлиевич]

„Забытый" край. (Уральская глушь)." - очерк.
[1907-1908]
Автограф с подписью. 8 лл.
Каборный экз. с пометой А.С. Будиловича.

Опубл.: Московские ведомости. 1908. 22 мая. № 118.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ
Гос. б-ка СССР им. Ленина
№ поступления 1918. 1926
Общее к-во листов 8

„Забіенный" край.
(Уральская глушь.)

= напечатать
20. I

Фель

Двадцатый вѣкъ... Европейская Россія, хромая на обѣ ноги, все-таки старается поспѣть за Западомъ: электрическое освѣщеніе, электрическіе трамваи, автомобили, парламентъ, а онъ, этотъ лѣсной край, словно окунулся въ семнадцатое столѣтіе да такъ въ немъ доселѣ и остается.

— Забіенный нашъ край! - вздыхаетъ мѣстный крестьянинъ, со всѣхъ сторонъ придавленный глушью, сквернословитъ и пьетъ подогрѣтую брагу, - двойную отраву, изобрѣтенную истинно-русскимъ умомъ.

Отъ Перми до Чердыни, особенно въ лѣтнее время, когда по рѣкамъ Камѣ, Вишерѣ и Колвѣ снуютъ пароходы, еще чувствуется трепетъ жизни; здѣсь еще, худо-ли, хорошо-ли, но нервы жизни все-таки работаютъ. Въ Чердыни, гдѣ изъ обывательскихъ «палатъ» и хибарокъ глядятъ многочисленныя лампадки предъ „Іисусомъ сладчайшимъ" или тезоименитыми святыми, нервы эти ослабѣваютъ и городокъ представляется вамъ въ видѣ сонливаго байбака, несмотря на наличность земской библіотеки и музея въ память Пушкина.

Политическіе ссыльные, надо полагать, скоро постигаютъ захолустнаго байбака и оттого, можетъ-быть, отворачиваясь отъ городка, тоскливо [illegible]буются Полюдомъ, который, верстъ за 40, поднимается надъ бо=

лотами и лѣсными разливами, похожій на скалу петербургскаго памятни-
ка Петру Великому. По-мѣстному, Полюдъ – камень. Но этому камню Гос-
подь-Богъ далъ роста 540 метровъ, такъ что онъ подстать тѣмъ многоэтаж-
нымъ домамъ, которые американцами называются «sky-skrapers», т.е., «не-
боскребами». Не мало легендарныхъ сказаній лѣпится къ Полюдову камню и
одно изъ нихъ настаиваетъ на томъ, что встарину на свѣтѣ жилъ разбойни-
чекъ богатырь Полюдъ, который подъ старость ушелъ въ камень и обмеръ въ
его нѣдрахъ. И будто-бы онъ прячется тамъ до сей поры, хотя сильно-мо-
бы ожить и даже выставить свою кандидатуру въ члены Государственной
Думы, такъ какъ сѣдина времени покрыла всѣ разбойничьи подвиги... У По-
людова камня находятся мѣсторожденія каменнаго угля, которыя дохо-
дятъ до Уткинскаго завода.

За Чердынью начинается «забѣнный», т.е., забытый край, – лѣсное царс-
тво, надъ которымъ праведное небо проливаетъ слезы бо́льшую половину го-
да, а въ остальное время замораживаетъ ихъ. Туманы, болота, дичь и полу-
человѣческая, полу-звѣриная обособленность въ настоящее время, какъ и
50 лѣтъ назадъ, а тогда точь-въ-точь какъ при Петрѣ I, а при Петрѣ, какъ
при Годуновѣ, который зналъ, что это за очаровательный край, если из-
бралъ именно его мѣстомъ ссылки умнаго и опаснаго въ династическомъ
отношеніи боярина Михаила Никитича Романова. Село Ныробъ сох-
раняетъ воспоминанія о несчастномъ: подземелье-темницу и канда-

лы.

Гдѣ-то посвистываютъ паровозы, хрипятъ пароходныя сирены, не лучина коптитъ, а разливается мягкій электрическій свѣтъ и такія-же двуногія наслаждаются пѣніемъ выдающихся оперныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, а здѣсь, въ какихъ-нибудь четырехъ или пяти дняхъ разстоянія отъ Москвы, даже многіе старики не имѣютъ понятія о "чугункѣ" да и о Москвѣ, да и о самой Россіи, откуда не доходитъ до нихъ ни тепла, ни свѣта, а если Русь что и говоритъ, такъ рѣчь заглушается или стономъ, или воемъ, или просто шумомъ мрачной тайги (тайги)

Въ Ныробѣ еще нѣтъ-нѣтъ и заглянетъ археологъ или богомолецъ, богомолка, ну, а дальше словно богатырская застава. "Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ." Можетъ-быть, лѣшій и бродитъ, и русалка на вѣтвяхъ сидитъ... можетъ-быть!... И то сказать, гдѣ-же имъ гнѣздиться, если въ центральныхъ губерніяхъ лѣса повырублены и рѣки такъ обмелѣли, что оставаться въ нихъ безъ костюма полиція не позволила-бы даже и русалкамъ! Становые, фельдшера и почтари склонны, разумѣется, отрицать чудеса, которыя часто приносятъ, въ концѣ-концовъ, только непріятности; но кромѣ названныхъ рычаговъ и винтиковъ въ административномъ механизмѣ есть также промышленныя колеса, и эти катятся дальше,- слѣдовательно, и видятъ больше.

Ежегодно, въ навигаціонную пору, Чердынь нагружаетъ особаго рода су-

да-«каюки» - и гонить ихъ внизъ къ Печорскому краю съ товарами пер=
вой необходимости. Каюки подвозятъ то, чего не успѣли доставить зимніе
обозы или - доставили, но населеніе Печорскаго края уже успѣло ист=
ребить.

Между тулпанской волостью (чердынскаго уѣзда), главнымъ нервомъ об
мѣнной торговли, и при-печорскими палестинами существуетъ нѣжная
дружба, выкованная борьбою за существованіе. При нашемъ правилѣ: съ
глазъ долой - изъ сердца вонъ" окраины давно стали-бы мертвыми пусты
нями, когда-бы не промышляли сами о себѣ. Ихъ никогда не отодвигали
отъ центра, ибо онѣ и безъ того достаточно отодвинуты, но никогда и
не старались разумно сблизить съ нимъ. Это политика по старинному
англійскому рецепту, надъ которымъ зло шутилъ еще Веніаминъ Фра
нклинъ въ своемъ памфлетѣ: „Какъ сдѣлать большое государство мале=
нькимъ." Напримѣръ, при-печорье, положа руку на сердце, можетъ ска=
зать, что для него „Москва и Петербургъ въ Россіи то, что человѣкъ изъ
города Бордо," тогда какъ маленькая Чердынь - житница, кормилица.
Не пошли она каюковъ или останови зимній гужъ, и печорскій жи=
тель обреченъ на голодную смерть! Въ лучшемъ случаѣ: на эпидемичес=
кія заболѣванія, оставшись только со своей рыбой: лососевой и сиговой.

Чердынцы, все равно - хозяева или работники, сознаютъ свое значеніе
для Печорскаго края и... и не отпускаютъ бакенбардъ, которыя не все

гда вѣдь украшали физіономію и Ноздрева. Проникнувъ въ сѣверную тундру, они больше имѣютъ права разсказывать про уральскія чудеса, чѣмъ становые и почтари, знающіе лишь свои участки. И въ сущности что такое лѣшій, если есть конституція, когда ея нѣтъ, и нѣтъ ея, когда, по словамъ многихъ, она, несомнѣнно, есть!...

Тулпанская волость, Тулпанъ — это государство въ государствѣ, какая-то самостоятельная ячейка, мрачная и робкая и разнузданная. И мрачность, робость и разнузданность Тулпана текутъ тремя параллельными руслами, направляясь къ Печорскому краю.

Ныробъ, отъ котораго до Чердыни — 70 верстъ, не любитъ говорить о сосѣдѣ: тулпанскій укладъ вызываетъ у него брезгливое ощущеніе. Тулпанъ (и за-тулпанье) откачнулся отъ времени, предъявляющаго къ человѣчеству все новыя требованія, и остался жить въ фанатической до-петровщинѣ: безъ понятія о правѣ, о нравственности, о Богѣ, Который не напрасно далъ людямъ заповѣди.... Въ селахъ церкви; благовѣстъ разливается, но подавляющее большинство населенія проходитъ мимо храмовъ и благовѣстъ никакъ не отдается въ его душѣ. Здѣсь — сектантство, дошедшее до геркулесовыхъ столповъ всеотрицанія, за исключеніемъ развѣ «свободной любви», которая вылилась въ невѣроятныя, прямо-таки животныя формы. Ни эстетики, ни прикровенности, ни конфуза, — словно это не люди, а морскіе коты, что-ли... Но эти „морскіе коты" превращаются въ самыхъ

трусливыхъ мышей и бѣгутъ вразсыпную, едва завидятъ васъ, новаго человѣка, ни вѣсть, какимъ чудомъ оказавшагося среди нихъ. Они боятся, какъ огня, «міршонныхъ» – «мірскихъ», т.е., всѣхъ, кто со стороны.

— Міршонный!

— Волкъ!

— Антихристово чадо!

— Прелестникъ антихристовъ!

Это несется по вашему адресу изъ-за угловъ, изъ-за стѣнъ, чуть-ли не изъ подворотенъ. Это – по-истинѣ дѣтская злоба или озлобленность на почвѣ неожиданности, испуга и недовѣрія къ вамъ. Точь-въ-точь какъ въ малоазійскихъ турецкихъ городахъ. Не ожидайте здѣсь ничего, что-бы намекнуло о гостепріимствѣ. Какой-то край свѣта! Какая-то индя планета, а не наша земля! Видя предъ собою этакую дичь, начинаешь сомнѣваться, да ужъ это-ли племя воздвигло памятникъ въ новгородскомъ кремлѣ тысячелѣтію своей величавой государственности? Могли-ли выходить изъ него Донскіе, Петры I, Ломоносовы, Пушкины, Глинки, Нахимовы и т.д., и т.д.? Неужели эта дичь – потомки тѣхъ великихъ, отважныхъ и удивительныхъ россіянъ, кто собралъ славянскую мощь, кто понесъ на своихъ плечахъ монгольское иго и изъ данника ханамъ превратился въ господина ихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ; кто открывалъ страны и бросалъ къ своимъ ногамъ пышные троны? Вы, лѣсные лю=

мъ красивую и полезную жизнь. [illegible]

ди, внуки-ли своихъ дѣдовъ? Да, это – послѣднее видимое звено въ исторической цѣпи. Предоставленные исключительно пармовой гущинѣ, они одичали, опростились... Можно легко себѣ представить, какъ обрадовалась-бы нѣмецкая богословско-философская школа геккелистовъ, попадись ей наши уральцы... И въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ можетъ принизиться до обезьяняго уклада, - отчего-же умной обезьянѣ не подняться до человѣческаго сознанія?

Полуживотное существованіе пармового населенія обусловливается, съ одной стороны, правительственнымъ «снисхожденіемъ», а съ другой стороны, – проповѣдничествомъ скитскихъ мудрецовъ, запутавшихся въ тенетахъ мистическихъ крайностей. Уральскіе скиты – горнила изувѣрства. Это не то, что былой поморскій „Выгъ", это – не поволжскій Черемшанъ, и не керженецкіе, и не семеновскіе скиты – достояніе прошлаго. Тамъ было свое благолѣпіе, своя красота, свои нравственные устои. На Уралѣ ничего подобнаго: отъ красоты отмахиваются, какъ отъ паутовъ (комары), а что касается нравственности, то видь заботы не о ней, а о томъ, гдѣ все-таки поставить конецъ безнравственному, тому, что даже и парму смущаетъ...

Православное духовенство одно закладываетъ фундаментъ для зданія новой, разумной, осмысленной, достойной человѣка, какъ храма Святого Духа, жизни, но это постройка муравьевъ, тогда какъ требуются силы и средства великановъ, притомъ не грубыя силы, человѣколюбивыя

средства. Привести „забѣнную" уральскую глушь на лоно умственныхъ, духовныхъ и широкихъ экономическихъ запросовъ необходимо. Необходимо, не теряя времени, пробудить въ мѣстныхъ людяхъ страсть къ самосознанію и самопознанію и разрушить всѣ ихъ заблужденія, но не жестокой рукой, а братскимъ словомъ и дѣломъ.

Теорія Маколея, что государство не должно вмѣшиваться въ религіозныя отправленія своихъ гражданъ, въ силу чего не можетъ быть и религіозныхъ преслѣдованій: долгъ правительства заботиться о благѣ всѣхъ гражданъ, – эта теорія основательна до тѣхъ поръ, пока она не сталкивается съ правдою, высказанной Боклемъ, а именно, что дурная религія даетъ и дурную нравственность. Нельзя забывать, что интересы личности и общества тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою, и, стало-быть, ненормальное положеніе, хотя-бы только немногихъ, государственныхъ единицъ уже нарушаетъ гармонію и цѣлаго государства. Уральская глушь есть одна изъ тѣхъ печальныхъ палестинъ, надъ которыми пора призадуматься серьезно. Идеалы человѣческой личности не могутъ, какъ здѣсь, замыкаться въ раковинкѣ животнаго сластолюбія: для человѣка открыты широчайшіе пути. Эти полу-люди свернули съ широкаго пути на лѣсныя тропинки и остались на нихъ. Пожалуй, что и заблудились. Долгъ общества и правительства найти ихъ и дать имъ красивую и полезную жизнь.

Павелъ Россіевъ.